

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010107

Сюжет «Волшебник и его конь» в ойратском памятнике Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»)

© 2024 г. Б. В. Меньяев

Специалист Калмыцкого государственного университета
им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
bmeyaev@mail.ru

Резюме. Настоящая работа продолжает исследование и введение в научный оборот ойратского памятника Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»). В статье впервые рассматривается сюжет «Волшебник и его конь» на материале неопубликованного списка памятника, хранящегося в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. Автор исследует происхождение сюжета, приводит его варианты из древнеиндийских, тибетских и монгольских литератур. Исследование данного сюжета продиктовано необходимостью дальнейшего осмысления содержания настоящего письменного памятника. В статье были использованы описательный, сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и локальные особенности сюжета в рассматриваемых произведениях. Автор пришел к выводу, что сюжет «Волшебник и его конь» в «Сказании Нектарного Учения» создан на основе древнеиндийского и тибетского материала, в основе которого лежат концепция иллюзорности и теория мгновенности, занимающие важное место и в буддизме, и в древнеиндийской философии. Полученные результаты настоящей статьи будут использованы автором при подготовке типологического указателя сюжетов ойратского памятника Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»).

Ключевые слова: ойратский письменный памятник Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»), сюжет «Волшебник и его конь», рукописный отдел Института восточных рукописей Российской академии наук, буддизм, дидактическая литература, фольклор, указатель, древнеиндийские, тибетские и монгольские тексты.

Для цитирования: Меньяев Б.В. Сюжет «Волшебник и его конь» в ойратском памятнике Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 107–118. DOI: 10.31857/S1605788024010107

The Plot of “The Wizard and His Horse” in the Oirat Monument “Aršāni Nomiḡin Tuuḡi” (“The Tale of the Nectar Teaching”)

© 2024 Badma V. Menyaev

Specialist of the Kalmuck B.B. Gorodovikov State University,
11 Pushkin Str., Elista, 358000, Russia
bmeyaev@mail.ru

Abstract. This work continues the study and introduction into scientific circulation of the Oirat monument “Aršāni nomiḡin tuuḡi” (“The Legend of the Nectar Teaching”). The article is the first to examine the plot of “The Wizard and His Horse” using the material from one of the unpublished lists of the monument, stored in the manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The author explores the origin of the plot, citing its variants from ancient Indian, Tibetan and Mongolian literatures. The study of this plot is dictated by the need to further understand the content of this

written monument. The article used descriptive, comparative-typological and comparative-contrast methods to identify general and local features of the plot in the works under consideration. The author came to the conclusion that the plot “The Wizard and His Horse” in “The Tale of the Nectar Teaching” was created on the basis of ancient Indian and Tibetan material, which is based on the “concept of illusoryness” and the “theory of instantaneity”, which occupy an important place in both Buddhism and ancient Indian philosophy. The results obtained in this article will be used by the author in preparing a typological index of the plots of the Oirat monument “Aršāni nomiyin tuuji” (“The Legend of the Nectar Teaching”).

Key words: Oirat written monument “Aršāni nomiyin tuuji” (“The Tale of the Nectar Teaching”), the plot “The Wizard and His Horse”, manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Buddhism, didactic literature, folklore, index, ancient Indian, Tibetan and Mongolian texts.

For citation: Menyaev, B.V. *Syuzhet “Volshebnik i ego kon” v ojratskom pamyatnike Aršāni nomiyin tuuji (“Skazanie Nektarnogo Ucheniya”)* [The Plot of “The Wizard and His Horse” in the Oirat Monument “Aršāni Nomiyin Tuuji” (“The Tale of the Nectar Teaching”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 107–118. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010107

Введение

В рукописном фонде Института восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) хранится значительное количество письменных памятников на ойратском «ясном письме»¹ (рукописи, ксилографы, литографии, матрицы). Практически все они описаны монголоведом А.Г. Сазыкиным в трехтомном «Каталоге монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН» (далее *Каталог*) [1]. Последние обнаруженные в тибетском фонде ойратские рукописи и ксилограф *Soqtu zandan* (букв. ‘Сияющий сандал’) были описаны исследователем Н.С. Яхонтовой в статье «Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН» [2, с. 6–7].

В первом томе Каталога (1988) представлено описание свыше двухсот пятидесяти ойратских письменных памятников, относящихся к светской и буддийской неканонической литературе. Составитель их разделил на разделы: I. Народная словесность; II. Художественная литература; III. История; IV. Право. Официальные и административно-хозяйственные документы; V. Личные документы и письма; VI. Конфессиональная (небуддийская) литература; VII. Филология; VIII. Медицина; IX. География; X. Астрономия. Календари; XI. Астрология. Гадания. Приметы; XII. Каталоги; XIII. Сборники смешанного содержания; XIV. Разное; XV. Дополнения [1].

В подразделе «Индо-тибетская литература в монгольском переводе» (раздел «Художественная литература») под шифром С 197 (Позднеев,

247), инвентарным номером 622 значится рукописный сборник *Aršāni nomiyin tuuji* («Сказание Нектарного Учения») (далее *Список 1*) [3, с. 622]. Сборник имеет форму потхи (книга, состоящая из отдельных прямоугольных листов). Титульный лист из плотной желтоватой бумаги. В верхнем левом углу титула имеется печать Дальневосточного фонда Азиатского музея Российской академии наук, чернила синего цвета. Под печатью приведены: сокращенное название коллекции (*Oйрам*), размеры (36×10), дата инвентаризации (1925) и инвентарный номер (*№ 535*). В нижнем левом углу титульного листа дан шифр: *Позднеев 247*. Название сборника написано на ойратском языке в двойной рамке фиолетового цвета: *Aršāni nomiyin tuuji* («Сказание Нектарного Учения»). Весь текст написан одним размашистым почерком, за исключением первого листа (1а). Текст взят в двойную рамку. Пагинация ойратская на листах *recto* украшена цветным растительным орнаментом, начало каждой повествовательной единицы также отмечено арабской цифрой (1–63) и цветным растительным орнаментом. Текст переписан чернилами черного цвета на русской бумаге с филигранью (водяным знаком): рельефным штемпелем писчебумажной фабрики Петра Васильевича Сергеева (1799–1874): «Фабрика Сергеева № 5» (л. 7а; л. 14а). Внутри текста рукописи имеются исследовательские пометы цветными чернилами: пропущенные слова (л. 3а – *ögligüyin (ezen)* ‘милостынедатель, донатор’; л. 3б – *zula* ‘свеча, светильник’; л. 23б – *nöül* ‘грех, омрачение’ и др.), падежные окончания (суфф. дат-местн. падежа *-du* и др.), частица отрицания *-ügei* ‘нет’ и др. Всего в рукописи пронумеровано 64 листа (запись сделана с обеих сторон страницы), включающих разное количество строк на странице:

¹ Ясное письмо («тодо бичик») – ойратское вертикальное письмо, созданное в 1648 г. ойратским просветителем Заяпандитой Намкай Дхамцо на основе старомонгольской графики.

25–29. Порядок листов в рукописи не нарушен. Размер страниц: 36 × 10,5 см (34 × 8,5 см). В конце рукописи указаны сведения о переписчике — собирателе калмыцкого фольклора И.И. Попове (1859–1925): *Ene tuujiḡi bi Ivan Ivanoviči Popov saḡajī bičibeī*:: (Это сказание переписал я, Иван Иванович Попов). Источник и дата поступления рукописи неизвестны.

Сборник *Aršāni nomiyin tuuji* («Сказание Нектарного Учения») еще в прошлые века был популярен среди ойратов Китая и калмыков России. Об этом свидетельствуют записи калмыцкого просветителя Номто Очирова, описывающие содержание всей библиотеки князя Тюменя (см. сборник-молитвенник княгини Эльзаты Тюмень под номером 3 «Аршана номин тууж») [4, с. 88] и список собрания рукописей синьцзянского исследователя из уезда Монгол-Кюря Нимян Басанга: *Aršān nom-in tuuji* [5, с. 1]. Выше-названные тексты, к сожалению, еще не обнаружены, но поиски их продолжаются.

В монголоведении отсутствуют специальные монографические исследования по изучению памятника «Сказание Нектарного Учения». Один из трех списков памятника, хранящийся (далее *Список 2*) в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета [6, с. 332] под названием *Aršān nomiyin tuuji oršoboī*:: («Сказание Нектарного Учения»), упоминается в исследованиях Б.Я. Владимирцова «Монгольский сборник рассказов из “Pancatantra”» [7] и Д. Ёндона «Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур» [8]. Список 1, хранящийся в Рукописном фонде ИВР РАН, ранее был исследован автором настоящей статьи в ряде публикаций: «Джатаки из ойратского сборника “Сказание Нектарного Учения”» (2007), «Притчи из “Сказания Нектарного Учения”» (2008), «О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике “Сказание Нектарного Учения”» (2008), «Ойратский сборник “Сказание Нектарного Учения”: мотив посещения ада» (2008), «О двух списках рукописи “Аршани номийн тууджи” (“Сказание Нектарного Учения”)» (2010), «Жанровые особенности ойратского литературного памятника “Сказание Нектарного Учения”» (2011), «История изучения ойратского литературного памятника “Сказание Нектарного Учения”» (2012). Следует отметить, что науке известен еще один неполный список «Сказания Нектарного Учения» (*Aršān nomiyin tuuji oršoboī*:: — далее *Список 3*), хранящийся в Государственном архиве Республики Татарстан. При сличении всех трех списков памятника выяснилось, что тексты

Списков 1 и 2 идентичны друг другу, за исключением некоторых окончаний слов, пропусков, сокращений, различных написаний и др., в неполном Списке 3 отсутствуют многие сюжеты.

Памятник *Aršāni nomiyin tuuji* («Сказание Нектарного Учения») представляет собой сборник буддийских легенд, рассказов и джатак². Внутри сборника отсутствует какая-либо тематическая классификация. Каждая сюжетная единица сборника содержит определенное количество примеров, «вставных эпизодов», жанровый состав которых разнообразен. Все это позволяет рассматривать сочинение как пример особой жанровой разновидности ойратской литературы «народного буддизма». Какие именно источники послужили основой для составления этого сборника, нам неизвестно, но многие сюжеты рассказов встречаются в различных сочинениях древнеиндийской и тибето-монгольской литератур: палийские «Джатаки», «Джатакамала» («Гирлянда джатак»), «Панчатантра», «Сутра о мудрости и глупости» («Дзанлундо»), «Комментарии к “Субхашите”», «Комментарии к “Капле, питающей людей”» и др.

В настоящей статье впервые исследуется сюжет «Волшебник и его конь» на материале Списка 1. Монгольский исследователь Д. Ёндон, выявив данный сюжет на материале тибетских и монгольских источников, находит аналогичные ему сюжеты в Указателе Аарне — Томпсона — Утера: 1531 «Жизнь есть сон (Калиф на час); пьяницу переносят в барский дом (дворец), одевают в хорошее платье, хорошо кормят, он думает, что был на небе» и 905A*=AA *901 I=K 757A «Королева (царица) и жена сапожника: бессердечная, капризная королева перенесена во сне (ангелом, чародеем, обыкновенным человеком) на место кроткой, постоянно избиваемой мужем сапожницы, а сапожница — на ее место; сапожник укрощает королеву» [11] (СУС 1531 (раздел 1525–1639 «О хитрых и ловких людях») и 905A*=AA *901 I=K 757A [12, с. 312; с. 227]). В сюжете Д. Ёндона волшебник, утверждая, что вещи и явления не иллюзорны, а реальны, предлагает на рынке одному человеку своего скакуна. Конь уносит человека в безлюдное место и бросает его на берегу. Там человек знакомится с красивой девушкой, они живут вместе и в течение четырех лет у них рождаются два сына и две дочери. Однажды

² Джатаки (монг. *čadiḡ* < уйг. *čadik* < санскр. *jātaka*) — этапы перерождений [9, с. 117], рассказы о перерождениях, главным героем которых является Будда Шакьямуни. Главная идея этих рассказов заключается в объяснении людям взаимосвязи деяний, совершенных при жизни, и последующих перерождений [10, с. 76].

их трехлетний мальчик и две дочери, упав в воду, утонули. Вслед за ними мать бросилась в воду и тоже погибла. Отец, оставшись с малолетним ребенком, горько заплакал. В это самое время один из толпящихся на рынке людей будит его [8, с. 66]. Все повествовательные единицы с данным сюжетом объединяются концепцией иллюзорности (< лат. *illusio* 'обман', 'заблуждение') и идеей мгновенности. Известно, что концепция иллюзорности и идея мгновенности занимают важное место в буддийской философии и особенно в Мадхьямаке³. С ней знаком каждый буддист, поскольку она присутствует во многих текстах, имеющих широчайшее распространение, например в известной всем «Алмазной сутре» («Ваджраччедике»), находившейся в каждой семье верующих буддистов в Тибете, Монголии, России, Корее, Китае, Японии [13, с. 5]. Аналогичные сюжеты также встречаются в тибетских (Atischa. Phachos; «Книга отца»; Балдан-Еши «Драгоценные прекрасные чётки») и монгольских («Канджур»: раздел «Куча драгоценностей») письменных памятниках, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН и Государственной публичной библиотеке Монголии. Сюжет «Волшебник и его конь» был настолько широко распространен в Средние века в Азии, что даже появились его литературные обработки в Европе (см. испанская новелла XIV века о маге Доне Ильяне из Толедо [14, с. 33–37]; новелла «Лавана» в итальянском сборнике «Новеллино» [15, с. 33–34]).

В Списке 1 «Сказания Нектарного Учения» нами обнаружен ряд рассказов, которые мы можем отнести к сюжетному типу «Волшебник и его конь». В первом рассказе (л. 17а–18б) ханский сын Цзе Бидо влюбляется в дочь брахмана⁴ по имени Маш Сайн Чимег (букв. 'Самое лучшее украшение'). Хан хочет женить сына на ней и передать ему трон. Но мать желает, чтобы сын посвятил себя Учению Будды, и уговаривает одного волшебника (ойр. *ilbeči*), пообещав ему награду, помочь ей, чтобы сын отказался от женитьбы на дочери брахмана. Волшебник показывает ханскому сыну прекрасного коня, выставленного на продажу. Далее происходит примерно то же самое, что в сюжете Д. Ёндона: конь уносит ханского

сына в незнакомое место, а именно на остров Цаган Усун (букв. 'Светлая вода'), где в прекрасном дворце, украшенном яшмой и колоннами из белой раковины, живет красивая небесная дева Мани Асарахой. Ханский сын живет с ней, у них рождаются две дочери. Когда старшей дочери исполнилось пятнадцать лет, случилась беда: дети и жена тонут в море. Ханский сын, перед тем как броситься в море, говорит: *ene nasun inu möngkü busu oqtor=yuyin cakilyān-luyā adlai: ende suuxui araya ügei: usuni urusxal-luyā adali xuran öödүqsen möngkü busu böjigiyin yayixal-luyā adali ende alini üzebecü üre ügei xösun bui:* (л. 38а–38б) (Эта жизнь не вечна, [она] подобна небесной молнии. Нет смысла пребывать здесь. [Эта жизнь] не вечна, [она] подобна скопившемуся потоку воды, подобна движениям танца. С какой стороны не посмотри, [жизнь] бесплодна). Тут наваждение завершается, он пробуждается, за одно мгновение юноша увидел все мучения и радости человеческой жизни, он отрывается от земных благ и посвящает себя Учению Будды. Рассказ завершается краткой сентенцией: *teyimiyin tula nom üyiledүqči бүкүн yertүncүyin xamuq nom öүni möngkü busu yelbiyin öböreçilүн-dү meden üyiled::* :: (л. 38б) (Таким образом, все практикующие Учение Будды должны понимать, что все материальные предметы не вечны, а иллюзорны).

Обращение матери к волшебнику соотносится с сюжетом ATU 325 The Magician and His Pupil («Волшебник и его ученик»), а именно с решением родителей отдать сына волшебнику в ученики. Международный сюжет ATU 325 [11, с. 208] встречается в различных версиях сборника «Волшебный мертвец» (монг. Sidditu kegür, ойр. Sidditü küür) [17, с. 248–351]; [18, с. 1–48]; [19]; [20, с. 30–32]; [21, с. 7–10]; [22]; [23, с. 21–39] и др., который в свою очередь берет начало с тибетского сборника «Игра Веталы с человеком» [24] и древнеиндийского литературного памятника «Двадцать пять рассказов Веталы» [25]. Необходимо отметить, что в некоторых тибетских и монгольских сюжетах предполагаемые «ученики» отказываются учиться у волшебника и подвергаются наваждению.

При сличении настоящих двух текстов было выявлено, что все позиции совпадают текстуально и варьируются лишь в незначительной степени. Выявленные текстуальные совпадения дают основания предполагать, что монгольский текст был заимствован из апокрифического тибетского сборника «Книга секты Кадам-па». Наше предположение подтверждает и предисловие Б.Я. Владимирцова к монгольскому «Рассказу о волшебстве»: «Настоящая сказка была широко распространена

³ Мадхьямака (санскр. *Madhyamaka* 'срединность') — одно из двух основных философских направлений буддизма махаяны.

⁴ Брахман — представитель высшего жреческого сословия в древней Индии. Прямым их занятием было изучение древнеиндийских священных текстов — вед и отправление обрядов. Среди брахманов встречались и торговцы, и земледельцы, и даже разбойники. Буддийская традиция не признавала брахманских претензий на исключительность [16, с. 402].

Рассказ из тибетского апокрифического сборника «Книга секты Кадам-па»	«Рассказ о волшебстве». Перевод Б.Я. Владимирцова с монгольского языка на русский язык
Волшебник Ла Занг предлагает своему другу, домо- хозяину Палу, обучиться волшебству.	Волшебник Сайн Саран (букв. ‘Прекрасный Месяц’) предлагает своему другу, домохозяину Цогту (букв. ‘Блистательный’), обучиться волшебству.
Пал отказался учиться волшебству, сказав, что вот коня бы он принял.	Цогту отказался учиться волшебству, сказав: «На что оно нужно? Вот лошадь была бы мне нужна».
Волшебник привел коня и предлагает обменять его на нитки, которые Пал сучил у дверей своего дома.	Волшебник прискакал на коне и предлагает обменять его на нитки, которые Цогту сучил у дверей своего жилища.
Пал садится на волшебного коня, и конь мчится с невероятной скоростью.	Цокту садится на волшебного коня, и конь мчится с невероятной скоростью.
Вечером Пал, оказавшись в одном пустынном месте, видит дом, в котором жила старуха с единственной дочерью.	На заходе солнца Цогту, оказавшись в пустынной и безлюдной ложине, видит человеческое жилье, в ко- тором жили старуха и ее три дочери.
Пал женится на дочери старухи.	Старуха предлагает взять в жены одну из ее дочерей. Цокту, не зная, что ему делать дальше, остался там и взял себе в жены одну из дочерей старухи.
Прошло много лет, у них родились два сына и одна дочь.	Прошло много лет, у них родились два сына и одна дочь.
Однажды случилась беда, сыновья, купаясь в реке, утонули, а дочку уносит тигр. Жена с горя утопилась.	Однажды случилась беда, сыновья, гоняясь за лучами месяца на поверхности воды, утонули в реке, а дочку уносит тигр. Жена с горя утопилась.
Пал бежит от горя, не зная куда и зачем... И вдруг он очутился вновь у своего дома. По совету жены он осматривается и видит нитки, которые он когда-то обменял на волшебного коня.	Цокту рвет на себе побелевшие волосы и бежит, не зная куда и зачем... И тут он пробуждается и оказывается у своего дома. По совету жены он осматривается и видит нитки, которые он только что сучил.
Сомнения Пала рассеял волшебник Ла Занг, ко- торый объяснил, что на самом деле никакого волшебного коня не было, а все явления мира ложны и подобны миражу. <i>Нет ничего истинного, а страдания человеческие подобны этому приключению, которого не было</i> [26, с. 232].	Сомнения Цокту рассеял волшебник Сайн Саран, который ему говорит: «Увы! все явления мира ложны, подобны волшебному миражу! И нет ничего истинного! Какие бы мучения мы ни испытывали в этом мире, как бы они ни казались настоящими, все они подобны твоему приключению» [27, с. 57].

среди народов Средней Азии (тибетцев, монголов, бурят) и была заимствована из сочинения знаменитого буддийского “святителя” Джово Атиши⁵ [27, с. 55]. Джово Атиша (982–1054) был великим индийским ученым, монахом, проповедником, основателем тибетской школы Кадам-па (тиб. *bka' gdams pa*). Из его биографии известно, что он, посетив тибетскую библиотеку в Самье, был восхищен ее собранием и в соавторстве с известными тибетскими переводчиками Ринчен Зангпо (958–1055) и Нагцо Цултрим Гьялва перевел множество

индийских рукописей⁶. «Книга секты Кадам-па», приписываемая Атише, многократно издавалась в Тибете и Монголии отдельной книжкой, «один из переводов книги на монгольский язык, был осуществлен в 1867 году бурятским переводчиком Агван Лобсан Галсан Джинбой и напечатан ксилографическим способом в Цугольском дацане под названием “Сказка о магии, рассказанная святым Джоу Атишей”» [8, с. 66]. Ксилограф ныне хранится в монгольском фонде Государственной публичной библиотеки Монголии [8, с. 172]. Исследователь тибетских письменных памятников

⁵ Джово Атиша — индийский ученый, буддийский монах, проповедник, основатель, настоятель.

⁶ URL: <http://dharmawiki.ru/index.php> (дата обращения: 15.07.2023).

Л.С. Савицкий предполагает, что сказочные истории, входящие в состав сборника «Книга секты Кадам-па», являются одной из версий «Волшебного мертвеца» [28, с. 11].

В «Сказании Нектарного Учения» имеются еще две редакции с сюжетом «Волшебник и его конь», которые несколько отличаются от истории первого рассказа. В одной из них хан и ханша устраивают веселый пир. На пиру присутствует один искусный волшебник с красивой лошастью. Хан просит волшебника показать им волшебство. Волшебник соглашается и уходит за необходимыми ему предметами. В отсутствие волшебника хан садится на его лошадь, и лошадь уносит его в чуждадельную страну. В пустынном месте у скалы хан видит красавицу, влюбляется и женится на ней. У девушки было много скота. Со временем у них рождаются трое сыновей, которые пасут их скот. Однажды, когда старшему сыну исполнилось 13 лет, в их местности случился большой снегопад, дети, гоняясь за своим скотом, тонут в море. Жена от горя вслед за сыновьями также тонет в море, и хан, бросившись вслед за ними, просыпается в своей постели. *Teged xān tere-inu ene metü xamuq üzeqdeliyn nom yelbiyin öbörçilön-dü meded yertünčiyin xamuq üyile-ēce oyuu urban angxarun abuqsan-yēr yelbi metü diyān ündüsündü töröqsен bui : : : (л. 586)* (Проснувшись, хан понял, что все видения были проявлением волшебства. Он, отвратив свой ум от всех мирских дел, возродился в дияне⁷). Другой рассказ из «Сказания Нектарного Учения» по содержанию очень схож с рассказом из тибетской рукописи «Голубые книги Потобы» («Бебум-нгонпо»), хранящейся в коллекции Б.Б. Барадийна в тибетском фонде Института восточных рукописей РАН [26, с. 231]. Мораль этих рассказов заключается в том, что все практикующие Учение Будды не должны питать страстных стремлений к видимому и признавать его за призранную самобытность.

Сравнение рассказа из «Сказания Нектарного Учения» с тибетским текстом из рукописи «Голубые книги Потобы» показывает их текстуальную близость (совпадают даже имена героев ойр. *Дед-пон Бзиппо* и тиб. *Занг-по*), что вполне объяснимо, так как монголы и ойраты с принятием тибетского буддизма стали переводить письменные памятники на свой родной язык и заимствовать тем самым сюжеты из тибетской и индийской литературы.

⁷ Дияан (< уйг. *dyan* < санскр. *dhyāna*) — *рел.* обитель, отшельнический скит [9, с. 46].

В «Сказании Нектарного Учения» волшебник помогает родителям вновь обрести временно отсутствующих или умерших детей. Так, в одном из рассказов говорится, что у хана Ра-Ма-На был пяти-шестилетний сын, писавший сутры золотом. «Согласно буддийской традиции переписывание сутр золотыми чернилами считается высшей духовной заслугой, добродетелью (ойр. *dēdū buyan*), способствующей очищению от грехов и благому перерождению» [29, с. 40]. Однажды мальчику, совершавшему добродетель, для жертвования не хватило чего-то, и хан отправил слуг собрать дань у подданных иноземных государств. В это время ханша Сесили, поручив сына монаху-отшельнику, решила навестить своих родителей, но не заметила, как ребенок увязался за ней. Никто не заметил, что мальчик ушел с матерью. Не найдя сына, хан очень тоскует по нему и, дав плату волшебнику, обращается к нему: *yilbi-bēr uridaki kübüün metü nige sayixan kübüü üyiled kemēqsен-dü* (48a) (С помощью волшебства сотвори [мне] красивого мальчика, подобного [моему] прежнему сыну). Волшебник сотворил ему сына. Через некоторое время ханша, оставив сына у своих родителей, возвращается и рассказывает, что все это время сын был с ней. «Волшебный мальчик» исчезает. Хан и раньше понимал, что это чары, но он постоянно питал страстную привязанность к обманчивому призраку. Рассказ завершается поучением: *teyimiyn tula nom üyiledüqçi бүкүн туса үгәи зоболонггйин седкил бү өүске кемән үйiledүqsен bui : : (486)* (Таким образом, все, практикующие Учение Будды, не взращивайте ненужные и бесполезные страдания). Герой рассказа носит имя главного персонажа древнеиндийского эпоса «Рамаяны»⁸, старшего сына царя страны Кошалы Дашаратхи⁹. Это свидетельствует о том, что ойратский текст восходит к «Рамаяне», в основе которой лежат фантастические сказания об исторических событиях, происходивших четыре тысячи лет назад в Индии. О присутствии в ойратской и монгольской литературе сюжетов из «Рамаяны» академик Ц. Дамдинсурэн пишет, что «*рассказы о Рамане попали в Тибет двумя путями: через переводы буддийской литературы и как устные предания; из Тибета в более поздний период они проникли в Монголию*» [30, с. 19]. Устные и письменные версии «Сказания о Раме», зародившись в Древней Индии, распространились по многим странам Азии, плодотворно влияя на развитие их

⁸ Буддийский пересказ сюжета «Рамаяны» называется «Дашаратха-джатака» [30, с. 7].

⁹ Кошала — древнеиндийское государство, находившееся между Гангом и его притоком Гагрой. В «Рамаяне» Кошала представлена как богатая и счастливая страна.

Рассказ из ойратского письменного памятника «Сказание Нектарного Учения»	Рассказ из тибетской рукописи «Голубые книги Потобы»
В старину жил один хан по имени Дедпон Бзанпо, жил он в богатстве и довольстве.	Когда-то жил некий царь по имени Де Чод, жил он в богатстве, но плохо следовал Учению Будды.
Однажды, когда хан сел на свой большой драгоценный трон, хотел испить рисовую водку из серебряного ковша, к нему прибыл один искусный волшебник. Он пришел, чтобы поучаствовать в состязаниях волшебников.	Однажды, когда царь, сидя на троне, держал серебряные чаши с рисом и вином, к нему пришел волшебник Занг-по.
Хан повелел волшебнику показать ему волшебство.	Царь повелел волшебнику Занг-по развлечь его волшебством.
Волшебник показывает хану дивного коня, хану захотелось сесть на коня. Конь срывается и несет его по горам, рекам и доставляет в пустынное место. Там жили старик со старухой, у них была единственная дочь-красавица.	Волшебник сделал волшебство с помощью волшебного коня, который уносит царя на пустынный остров, где жили старик со старухой и хорошенькой дочерью.
Хан женится на их дочери, и у них рождаются три дочери.	Царь, не зная как выбраться с острова, женится на их дочери, и у них рождаются два сына и одна дочь.
Однажды случилось несчастье: девочки, собирая овощи на берегу моря, утонули в море. Спасая их, утонули старик со старухой. А их дочь, жена хана, не выдержав такого горя, тоже тонет в море.	Однажды старуха (теща царя), купаясь в море, утонула. Старик вонзил в себя стрелу. Жена, узнав о смерти своих родителей, бросается в море, и дети тоже погибают.
Хан, не видя смысла жизни, вслед за семьей бросается в море: <i>teged xān sedkil ḡasalang bolji ede noyuud ügei boluqsan-du bi ende yuu üyiledkü ügümüi kemēn sedkīd dalai-du unaqsan-du tende yelbi ebderen xān öböriyin šire-dü mönggön šinaḡadu arki barin suuqsan-du xān ene orčilang-du yeke ḡangsaral törön</i> (56a) (Оставшись без семьи и имущества, хан, печалься, подумал: «Что же мне делать?» — и прыгнул в море). В это время волшебное наваждение разрушилось, и хан оказался сидящим на своем троне, держа в руке серебряный ковш с водкой.	Царь, потеряв рассудок, бежит дальше от моря... и вдруг оказывается на своем троне. В руках у него серебряные чаши с рисом и вином.
Хан понимает, что все видимое есть призрачная самобытность и имеет свойства невечности и пристрастия к предметам материального мира.	Царь понимает, что вся случившаяся с ним история — это результат волшебства, окружающий мир — это иллюзия, и становится он праведником.

национальной литературы. В индийской прозе известен рассказ Р.Н. Нарайана под названием «Лавана» [31], основой которого также послужил сюжет из «Рамаяны» и санскритского религиозно-философского сочинения «Йога-Васиштха». Царь Лавана, находясь под чарами волшебника, бросается в огонь, чтобы своим телом накормить свою семью, погибающую от голода. Очнувшись, царь видит себя сидящим на своем троне в зале собраний, понимает, что это был сон. Так за две минуты перед царем прошла целая жизнь — семьдесят лет [31, с. 22–31]. Сюжет из «Лаваны» очень схож с монгольской сказкой [см. 32, с. 5–6]. Об этом свидетельствуют и упоминания о вороном коне, уносящем правителя в дикие, глухие места, и встреча с женщиной, и

жалость к мальчику, умершему (или умирающему) от голода. В индийской версии сюжета, в отличие от тибетских, монгольских и ойратских версий, присутствует весьма долгий диалог царя с волшебником о возможности его чар, а также имеются более полные описания волшебника и его коня.

В монгольских и тибетских текстах волшебник представлен старым [32, с. 5–6]; известным [33, с. 408], хорошо знающим чары [27, с. 55]; другом домохозяина по имени Ла Занг [26, с. 231–232] либо Сайн Сара [27, с. 55]. В индийском тексте волшебник представлен с изможденным лицом, длинными седыми волосами, босыми ногами, со страшным взглядом, на лбу у него священные

знаки и редкостный кашмирский платок, на запястье золотой браслет с камнями, на шее на золотой цепочке висели массивные четки [31, с. 22]. В ойратском памятнике «Сказание Нектарного Учения» волшебник известен как *nige ilbeči kümün* ‘один волшебник’ (34а), *nige sayin ilbeči* ‘один лучший волшебник’ (37б–38а; 39а); *mergen nige ilbeči* ‘один ловкий волшебник’ (62а). В одном из рассказов памятника волшебник настолько хитер, что обманывает алчного монаха, за бирюзовые четки (на самом деле они были из шерсти и грязи) ему удастся заполучить полтушки баранины, хорошего скакуна и одежду. Монах, опомнившись, пытается вернуть то, что отдал волшебнику. Однако волшебник ему отвечает: *batu oron dgeslong ta namai gerte yabu kemēn ese üyiledülüü bi-inu üzeqdel ene ünen busu yelbi mön ontuyatu münü tula yu öüni batu oron-du örgön üyiledemüi kemeqsen bui: Batuu oroni zarliq-ēce tere mön eyimü ögüülkü ayan yeke yayixamšiq kemēn ögüüled mörin kigēd xubcasun terigüüteni örgön üyiledüqsen bui. Nigente ögöd xārin bulāxu yosun bui buyu kemeqsen-dü batu oron dgeslong tere zarγu aldaγi mörin xubcasun terigüüteni cu aldaqsan bui* (л. 7а–7б) («Уважаемый гелюнг¹⁰, вы [получив крупные бирюзовые четки], сказали мне “идти домой”, а я вас предупреждал, что “кажущиеся предметы неистинны”, и преподнес вам бирюзовые четки. Вы согласились со мной, [но, увидев четки], восхитились: “О, как красиво!”. И отдали [мне свою] лошадь, одежду и прочее. Отдав, разве можно отбирать?». Так алчный гелюнг проиграл спор, лишившись лошади, одежды и прочего). В другом рассказе волшебнику удастся посредством волшебства создать прекрасный богатый дворец, сотворить божеств на небе (Хурмуста тенгрия, Амиабху, Маудгальяну, Гонши Гуудану), пригласить Будду со свитой и провести им «праздник Учения» (ойр. *nomiyin xurim*). За эти заслуги волшебник после смерти перерождается в Кюнде Орчилугчи хана, то есть в Чакравартин¹¹ (62а–63а). В рассказах «Сказания Нектарного Учения» функции волшебника может выполнять и верховное небесное божество Хормуста тенгрий (ойр. *Xurmusta tenggeri*, монг. *Хурмаста, Хормуста-тэнгри* < от согдийского *Хурмазта*), который воссоздает принца из пучка травы и тем самым успокаивает на время осиротевших родителей. Однажды ненастоящий принц признается: *Xamug nom ünen busu xōson xudal moni tula ödö=gē mini beye ene metu bui kemēn ögüülēd xōson öbösüni coqco bolun*

¹⁰ Гелюнг — рел. буддийский монах, держащий 253 обета.

¹¹ Чакравартин (< уйг. *Čakiravrt* < санскр. *Cakravartin*; монг. *Хүрдэн эргүүлэгч*; ойр. *Kürde orčiuluqči xān*) — вселенский правитель, его правление устраняет хаос и устанавливает порядок [9, с. 120].

odboi: (л. 51б) (Все дхармы не истинны, пусты и ложны, подобно моему нынешнему телу, сказав так, превратился в пучок травы). Родители признали, что принц ненастоящий, и их страдания успокоились.

Функции чудесного помощника волшебника в сюжете «Волшебник и его конь» выполняет неподатливый мифический конь, который, преодолев длинный путь, перемещает героя в иллюзорное пространство. В рассматриваемых нами рассказах прослеживается связь коня с водой, конь сбрасывает героя на берег, а сам бросается в воду и тонет. Согласно индийской мифологической традиции «вода — первооснова и источник всего сущего. В ней зарождается все живое, поэтому воду часто сравнивают с женским началом, говоря о ней как о материнском лоне, дарующем жизнь» [34, с. 143]. В тибетских, монгольских и ойратских письменных текстах конь волшебника представлен как *goē сайхан хилэн хар морь* ‘прекрасный изяшно-чёрный конь’ [33, с. 408]; прекрасный вороной конь [32, с. 5–6]; *sayin morin* ‘лучший конь’ (26б–27б; 39а); *nige sayixan morin* ‘красивый конь’ (37б–38а); прекрасный конь [26, с. 231–232]; волшебный конь [26, с. 231]; [27, с. 55]. В «Лаване» конь волшебника представлен иссиня-черной мастью, «с развевающейся гривой, длинным волочившимся хвостом, сверкающими глазами и мордой, покрытой пеной» [31, с. 24].

История о «Волшебнике и его коне» получила также широкое распространение в устном бытовании. Характерно, что ее содержание в монгольской сказочной традиции постоянно подвергалось изменениям. В результате в некоторых случаях первоначальная идея истории — «идея мгновенности человеческой жизни в общем потоке бытия» [35, с. 89] была отодвинута на задний план. К примеру, в монгольской сказке, зафиксированной в начале XX века, согласно индийской, тибетской, ойратской письменной традиции, герой, оказавшись в реальной жизни, глубоко задумывается: «Сколько лет он отсутствовал?». Он считает свое время по лунному календарю: *в году двенадцать месяцев и в нем триста шестьдесят суток* [27, с. 57]. За это время герой успевает жениться и родить троих (четырех) детей. В изданиях же второй половины XX века мораль монгольских сказок изменяется, она несет социальный смысл: «*За хаантан минь! Энэ хорвоод таны гомдоосон хүмүүс мөн ч олон даа*» гэж хэлжээ («Видишь, хан, как много на земле людей, тобою обиженных», — говорит на прощание волшебник) [32, с. 5–6], — отражает, по всей вероятности,

народное мировоззрение весьма поздней эпохи. Изучая содержание двух монгольских фольклорных версий сказки в сопоставлении с прочими письменными параллелями, Ц. Дамдинсурэн приходит к заключению: «Это новое антифеодальное и демократическое содержание можно рассматривать как отражение критического направления литературы, получившего в острой форме распространение с XVII–XVIII вв. в монгольском обществе» [33, с. 410–411].

Таким образом, рассказы с сюжетом «Волшебник и его конь», входящие в списки «Сказания Нектарного Учения» (*Arṣāni nomiyin tuuji*), были созданы на основе иноземного материала, который подвергся тут незначительной обработке, дополнению, контаминации, сокращению и в какой-то степени соединению с местной литературно-фольклорной традицией. Более того, к рассказам из «Сказания Нектарного Учения» нами были обнаружены параллели в монгольской, тибетской и древнеиндийской литературе и фольклоре. Во всех произведениях волшебник показывает герою видение (иллюзию) и перед глазами героя жизнь проходит за очень короткое время (чай, налитый ханом, еще не успел остыть; нитки лежат на том же месте, что и до исчезновения героя, и др.). Концепция иллюзорности и концепция мгновенности человеческой жизни в общем потоке бытия, отраженные в этих произведениях, навеяны буддизмом и древнеиндийской философией. Следует также отметить, что, несмотря на распространенность сказочного сюжета «Волшебник и его конь» в произведениях разных народов мира, он до сих пор не стал достоянием научной общественности и не учтен во многих указателях сюжетов. Полученные результаты настоящей статьи будут использованы автором при подготовке типологического указателя сюжетов ойратского памятника *Arṣāni nomiyin tuuji* («Сказание Нектарного Учения»).

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

букв. — буквально

ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН

калм. — калмыцкий язык

Каталог — Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 1–3. М., 1988, 2001, 2003.

лат. — латинский язык

монг. — монгольский язык

ойр. — ойратский язык

рел. — религия

санскр. — санскрит

Список 1 — *Arṣāni nomiyin tuuji* (Сказание Нектарного Учения) // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеева). Шифр С 197. 64 л.

Список 2 — *Arṣān nomiyin tuuji oroṣiboi* (Сказание Нектарного Учения). A collection of didactic stories (Сборник дидактических историй) // Научная библиотека восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. E 6. № 1917 (старый шифр: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 л.

Список 3 — Буддийские легенды на калмыцком языке // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11–24.

тиб. — тибетский язык

уйг. — уйгурский язык

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 1–3. М.: Восточная литература, 1988, 2001, 2003.
2. Яхонтова Н.С. Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма»: сборник научных статей. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–26.
3. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. Т. I / Отв. ред. Д. Кара. М.: Наука — ГРВЛ, 1988. 508 с.
4. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Н. Очинова // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. Сер. II. № 2. С. 78–91.
5. Ни. Басанг Ни. Басанг и его коллекция старинных книг // Хан Тенгри. Урумчи: Народное издательство Синьцзяна, 1984. № 2. С. 1–3.
6. Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Centre), 2001. 529 p.
7. Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Петроград: Академическая 12-я государственная типография, 1921. 162 с.
8. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М.: Наука, 1989. 183 с.
9. Домийн Т. Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь (Краткий толковый словарь

- заимствованных слов монгольского языка). Уланбаатар: Адмон Принт, 2018. 199 с.
10. *Меняев Б.В.* Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание Нектарного учения» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 76–78.
 11. *Uther H.J.* The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia. № 325; № 1531; № 905A*=AA *901 I=K 757A. 619 p.
 12. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Ленинград: Наука, 1979. 112 с.
 13. *Ленехов С.Ю.* Концепция иллюзорности мира в «Ратна-гуна-самчая-гатхе» // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 13. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. С. 3–31.
 14. *Мануэль Х.* (инфант Кастильский; 1282–1344) Граф Луканор / Перевод с испан. Д.К. Петрова. М.; Л.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1961. 207 с.
 15. Новеллино / Перевод И.А. Соколовой; издание подготовили М.Л. Андреев, И.А. Соколова; отв. ред. Р.И. Хлодовский. М.: Наука, 1984. 320 с.
 16. Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. СПб.: МЭОО «Возрождение» – Культурный центр «Уддияна», 2003. 416 с.
 17. *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter Kalmücken. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.
 18. *Голстунский К.Ф.* Убуши хун-тайджийин туудж. Народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту күйрин туули (История об Убуши хун тайджи. Народная калмыцкая поэма «Джангар» и «Сказка “Сидди кюр”»). Спб.: Литография Иконникова, 1864. Лит. № I. 74 с.
 19. Волшебный мертвец: Монгольско-ойратские сказки // Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Восточная литература, 2003. С. 227–309.
 20. Калмыцкие сказки, собранные Лером. М.: Типография и литография Г.С. Папинова, 1873. 36 с.
 21. Седклин күр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 86 х.
 22. Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.
 23. Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутева). Записи 1971–1978 гг.: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Б.Х. Борлыкова. Серия: Өвкрин зөөр (Сокровища предков). Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
 24. Игра Веталы с человеком (тибетские народные сказки) / Пер. с тиб. Ю. Парфионовича. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1969. 143 с.
 25. Двадцать пять рассказов Веталы / Пер. с санскрита, [вступ. статья и примеч.] И. Серебрякова. М.: Гослитиздат, 1958. 147 с.
 26. *Савицкий Л.С.* О некоторых особенностях тибетской литературы XIV–XVI вв. // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 223–232.
 27. Рассказ о волшебстве / Пер. Б.Я. Владимирцова // Восток. Кн. 2. М.; СПб.: Всемирная литература, 1923. С. 55–57.
 28. *Савицкий Л.С.* Тибетский апокрифический сборник «Книга секты Кадан-па» (кадан-легбан) и время его написания // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ленинград: Ленинградское отделение Института народов Азии, 1965. С. 11–12.
 29. *Меняев Б.В.* Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии: исследование и материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 544 с.
 30. *Дамдинсурэн Ц.* «Рамаяна» в Монголии. М.: Наука, 1979. 216 с.
 31. *Нарайан Р.К.* Боги, демоны, другие. / Пер. с англ. Ю.С. Родман; отв. ред. А.Я. Сыркин. М.: Наука, 1975. С. 22–31.
 32. Монгольские сказки: Пер. с монгол., сост. и послесл. Г. Михайлова. М.: Гослитиздат, 1962. 239 с.
 33. Монголын уран зохиолын тойм (Краткая история монгольской литературы). 2-р дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. 672 с.
 34. *Меренкова О.Н.* Образ Макары и водное пространство в индийской культуре // Азиатский bestiарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 143–150.
 35. *Рифтин Б.Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 68–113.

REFERENCES

1. Sazykin, A.G. *Katalog mongolskikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya RAN* [Catalog of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 1–3. Moscow: Eastern literature Publ., 1988, 2001, 2003. (In Russ. and Oirat)
2. Yakhontova, N.S. *Oiratskie rukopisi i ksilografiy v sobranii Instituta vostochnykh rukopisei RAN* [Oirat Manuscripts and Woodcuts in the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. *Mir “yasnogo pisma”* [The World

- of "Clear Writing"]. Collection of Scientific Articles. Elista: KIGI RAS Publ., 2014, pp. 5–26. (In Russ.)
3. Sazykin, A.G. *Katalog mongolskikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR* [Catalog of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. I. Rep. ed. D. Kara. Moscow: "Science" GRVL Publ., 1988. 508 p. (In Russ. and Oirat)
 4. *Poezdka v Aleksandrovskii i Bagatsokhurovskii ulusy astrakhanskikh kalmykov. Otchet N. Ochirova* [A Trip to the Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky Uluses of the Astrakhan Kalmyks. Report by N. Ochirov]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii* [News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1913, Ser. II, No. 2, pp. 78–91. (In Russ.)
 5. Basang, Ni. *Ni. Basang i ego kolleksiya starinnykh knig* [Ni. Basang and His Collection of Ancient Books]. *Khan Tengri* [Khan Tengri]. Urumqi: People's Publishing House of Xinjiang, 1984, No. 2, pp. 1–3. (In Oirat)
 6. Uspensky, V.L. *Catalog of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library*. Compiled by V.L. Uspensky. Tokyo, Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Center), 2001. 529 p.
 7. Vladimirtsov, B.Ya. *Mongolskii sbornik rasskazov iz Pancatantra* [Mongolian Short Story Collection from Pancatantra]. Petrograd: Academic 12th State Printing House, 1921. 162 p. (In Russ.)
 8. Yondon, D. *Skazochnye syuzhety v pamyatnikakh tibetskoi i mongolskoi literature* [Fairy Tales in Monuments of Tibetan and Mongolian Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 183 p. (In Russ.)
 9. Domiin, T. *Mongol heland orson gadaad ugiin huraangui tailbar tol* [A Short Explanatory Dictionary of Borrowed Words of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar: Admon Print, 2018. 199 p. (In Mongol.)
 10. Menyaeв, B.V. *Zhanrovye osobennosti oiratskogo literaturnogo pamyatnika "Skazanie Nektarnogo ucheniya"* [Genre Features of the Oirat Literary Monument "The Legend of the Nectar Teaching"]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2011, No. 1-2 (65), pp. 76–78. (In Russ.)
 11. Uther, H.J. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, No. 325; No. 1531; No. 905A*=AA *901 I=K 757A. 619 p.
 12. *Sravnitelnyi ukazatel syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale]. Comp. L.G. Barag, I.P. Berezovsky, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 112 p. (In Russ.)
 13. Lepekhov, S.Yu. *Kontseptsiya illyuzornosti mira v "Ratna-guna-samchaya-gatkhe"* [The Concept of the Illusory Nature of the World in "Ratna-guna-samchaya-gatha"]. *Kultura Tsentralnoi Azii: pismennye istochniki* [Culture of Central Asia: Written Sources]. Vol. 13. Ulan-Ude: Publishing house BSC SB RAS, 2020, pp. 3–31. (In Russ.)
 14. Manuel, H. (Infant of Castile; 1282–1344) *Graf Lukanor* [Count of Lucanor]. Translation from Spanish D.K. Petrova. Moscow, Leningrad: Goslitizdat [Leningr. department] Publ., 1961. 207 p. (In Russ.)
 15. *Novellino* [Novellino]. Translation by I. A. Sokolova; the Publication was prepared by M.L. Andreev, I.A. Sokolova; resp. ed. R.I. Khlodovsky. Moscow: Nauka Publ., 1984. 320 p. (In Russ.)
 16. *Dzhataki: izbrannye rasskazy o proshlykh zhiznyakh Buddy* [Jatakas: Selected Stories about the past lives of Buddha]. St. Petersburg: MEOO "Vozrozhdenie" – Cultural Center "Uddiyana" Publ., 2003. 416 p. (In Russ.)
 17. Bergmann, B. *Nomadische Streifereien unter Kal-mucken. Band II*. Riga: Erster Theil, 1805, pp. 247–351. (In German)
 18. Golstunsky K.F. *Ubushi hun-tayjiin tuuj. Kalmyk folk poem "Dzhangar" and Sidditu kuriin tuuli* [The Story of Ubushi Hong Taiji. Kalmyk Folk Tale Poem "Dzhangar" and "The Tale of Siddi Kur"]. St. Petersburg: Lithograph by Ikonnikov, 1864, No. 1. 74 p. (In Russ. and Kalmyk)
 19. *Volshebnyi mertvets: Mongolsko-oiratskie skazki* [The Magical Dead Man: Mongolian-Oirat Tales]. Vladimirtsov, B.Ya. *Raboty po literature mongolskikh narodov* [Works on the Literature of the Mongolian Peoples]. Moscow: Eastern literature Publ., 2003, pp. 227–309. (In Russ.)
 20. *Kalmytskie skazki, sobrannye Lerom* [Kalmyk Tales Collected by Ler]. Moscow: Printing house and lithography G.S. Papirova, 1873. 36 p. (In Russ.)
 21. *Sedklin kyr* [Sedklin Kur]. Elista: Kalmyk book publishing house, 1960. 86 p. (In Kalmyk)
 22. *Mednovolosaya devushka. Kalmytskie narodnye skazki* [Copper-Haired Girl. Kalmyk Folk Tales]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 271 p. (In Russ.)
 23. *Buutan Sanṣṣin tuul's* [Tales of Sanji Butaev]. Records 1971–1978. In 2 books. Book 1. Comp. B.Kh. Borlykova. Ser. Treasures of the ancestors. Elista: KIGI RAS Publ., 2008. 308 p. (In Russ. and Kalmyk)
 24. *Igra Vetaly s chelovekom. Tibetskie narodnye skazki* [The Game of Vetala with a Person. Tibetan Folk Tales. Transl. from tib. Yu. Parfionovich]. Moscow: Main editorial office of oriental literature of the publishing house "Nauka", 1969. 143 p. (In Russ.)
 25. *Dvadsat pyat rasskazov Vetaly* [Twenty-Five Stories of Vetala]. Translation from Sanskrit [intro. article

- and note] I. Serebryakova. Moscow: Goslitizdat Publ., 1958. 147 p. (In Russ.)
26. Savitsky, L.S. *O nekotorykh osobennostyakh tibetskoi literatury XIV–XVI vv.* [About Some Features of Tibetan Literature of the 14th–16th Centuries]. *Zhanry i stili literatur Kitaya i Korei* [Genres and Styles of Literature from China and Korea]. Moscow: Science-Chief Editorial Office of Eastern Literature, 1969, pp. 223–232. (In Russ.)
 27. *Rasskaz o volshebстве* [A Story About Magic]. Translation of B.Ya. Vladimirtsov. *Vostok* [East]. Book 2. Moscow, St. Petersburg: World Literature Publ., 1923, pp. 55–57. (In Russ.)
 28. Savitsky, L.S. *Tibetskii apokrificheskii sbornik “Kniga sekty Kadan-pa” (kadan-legban) i vremya ego napisaniya* [Tibetan Apocryphal Collection “The Book of the Kadan-pa Sect” (Kadan-Legban) and the Time of its Writing]. *Pismennye pamyatniki i problemy istorii kultury narodov Vostoka* [Written Monuments and Problems of the History of Culture of the Peoples of the East]. Leningrad: Leningrad branch of the Institute of Asian Peoples, 1965, pp. 11–12. (In Russ.)
 29. Menyayev, B.V. *Istoriko-kulturnoe nasledie khoshutov Kalmykii: issledovanie i materialy* [Historical and Cultural Heritage of the Khoshuts of Kalmykia: Research and Materials]. Elista, Kalmyk University Publishing House, 2023. 544 p. (In Russ. and Kalmyk)
 30. Damdinsuren, Ts. *“Ramayana” v Mongolii* [“Ramayana” in Mongolia]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 216 p. (In Russ.)
 31. Narayan, R.K. *Bogi, demony, drugie* [Gods, Demons, Others]. Translation from English of Yu.S. Rodman. Rep. ed. and I. Syrkin. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 22–31. (In Russ.)
 32. *Mongolskie skazki* [Mongolian Fairy Tales]. Trans. from Mongolian, comp. and afterword Of G. Mikhailova. Illustration of V. Noskov. Moscow: Goslitizdat Publ., 1962. 239 p. (In Russ.)
 33. *Mongolyn uran zokhiolyn toim* [Brief History of Mongolian Literature]. Book 2 (the 17th–18th Centuries). Ulaanbaatar: Publishing house of the Academy of Sciences of Mongolia, 1977. 672 p. (In Mongol.)
 34. Merenkova, O.N. *Obraz Makary i vodnoe prostranstvo v indiiskoi kulture* [The Image of Makara and the Water Space in Indian Culture]. *Aziatskii bestiarii. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoi, Yugo-Zapadnoi i Tsentralnoi Azii* [Asian Bestiary. Images of Animals in the Traditions of South, South-West and Central Asia]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography named Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS, 2009, pp. 143–150. (In Russ.)
 35. Riftin, B.L. *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur* [Typology and Interrelations of Medieval Literatures]. *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada* [Typology and Interrelations of Medieval Literatures of the East and West]. Moscow: Science Main editorial office of Eastern literature, 1974, pp. 68–113. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 6 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 октября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on October 6, 2023

Revised on October 11, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024